

Смерклось. Стражники разошлись по комнатам, и в покоех зажглись светильники. Праздник Фонарей только-только прошёл, поэтому красочную оконную бумагу снять ещё не успели.

Ажурные узоры всех цветов и оттенков рассеивали свет в комнатах, превращая его в причудливые осколки, ложившиеся во дворе. Пляшущие пятнышки света, похожие на пёстрые силуэты из театра теней, заморозили Юньци.

Чжу Юньвэнь сидел рядом с ним на краю колодца. Юньци заговорил:

— Я привез тебе кое-какие местные деликатесы из Пекина. Очень вкусные.

Чжу Юньвэнь слабо улыбнулся в ответ:

— Сейчас я редко ем всякие закуски.

Юньци рассеянно спросил:

— Это правило, которое установил Великий воспитатель?

Чжу Юньвэнь тихо вздохнул и вдруг спросил:

— А где кольцо?

Юньци не знал, смеяться ему или плакать:

— Я его потерял. Когда я гостил в Пекине, не знаю как, но проснулся утром — а его уже нет.

Чжу Юньвэнь почувствовал себя малость оскорбленным. Стражники в комнатах наострили уши, подслушивая диалог правителя и его слуги. Все затаили дыхание, держа за Юньци кулачки.

Голова Юньци лихорадочно работала, в его сознании мелькало бесчисленное множество идей в попытке уловить наилучший момент.

Как же ему сказать? Воспользоваться этим поводом, чтобы вежливо отказать Чжу Юньвэню? Ведь то кольцо было его знаком любви, но поскольку у него уже есть Тоба Фэн, как бы то ни было, нельзя больше его провоцировать.

К тому же, государю служить — что тигру. Как же ему выразиться? Сказать: «Юньвэнь, прости, я всего лишь стражник, и могу быть только стражником. Раз кольцо потерялось, значит, такова воля небес, и отныне...»

Если отвергнуть Чжу Юньвэня в такой напряжённый момент, кто сможет предугадать, насколько усложнится ситуация?

Ладно, лучше краткосрочная боль, чем длительный недуг. Рано или поздно всё равно придётся всё прояснить.

Юньци, собрав волю в кулак, сглотнул и с трудом произнес:

— Юньвэнь, прости...

Чжу Юньвэнь перебил его:

— Забудь.

«...»

Юньци с недоумением посмотрел на Юньвэня. Тот продолжил:

— Главное, что ты вернулся. Потом подарю тебе новое.

Мгновенно во дворе послышалось, как опрокидываются столы и стулья. Эти легко произнесенные Чжу Юньвэнем слова словно сбросили оковы со всех присутствующих.

Мысли Юньци спутались в клубок. Он хотел что-то сказать, но в итоге лишь произнес:

— Юньвэнь, я...

Чжу Юньвэнь улыбнулся:

— Я думал, что ты не вернёшься. Разве четвёртый дядя не уговаривал тебя остаться?

Юньци с горькой усмешкой вздохнул про себя. Голова шла кругом. Через мгновение он улыбнулся и ответил:

— Как я мог не вернуться?

Чжу Юньвэнь кивнул, поднялся и ушёл.

И это всё? Больше ему нечего сказать? Юньци замер и даже не поднялся, чтобы его проводить.

Спустя несколько мгновений он всё же догнал Чжу Юньвэня и у самого выхода наконец произнёс:

— Нам нужно завтра выходить на службу?

Чжу Юньвэнь ответил:

— Как только хорошенько отдохнёшь, тогда и возвращайся к своим обязанностям.

Вмиг у всех присутствующих камень свалился с души.

Чжу Юньвэнь обернулся и тихо произнес:

— Великий воспитатель и канцлер Фан подали совместное прошение с требованием упразднить Цзиньивэй. Когда они поднимут этот вопрос, ты знаешь, что ответить.

Пока Чжу Юньвэнь об этом говорил, на его губах промелькнула лукавая улыбка. Правитель и его слуга словно вернулись в те времена, когда вместе подшучивали над придворными.

Юньци улыбнулся в ответ:

— Если речь зайдет о высоких принципах, боюсь, Юнь-гэ-эр Великому воспитателю не соперник...

Чжу Юньвэнь сказал:

— Ничего, разве я не поддерживаю тебя? В те дни, когда Юнь-гэ-эр был в отъезде в Пекине, я вдруг оказался без тебя и осознал, что...

Чжу Юньвэнь вовремя оборвал фразу.

Юньци слегка нахмурился, находясь в замешательстве. Он уже собирался что-то сказать, как Чжу Юньвэнь поманил его рукой.

Юньци был на полголовы выше Чжу Юньвэня. Сердце его дрогнуло, и он смиренно склонился, чтобы выслушать хитроумный план императора.

Но, вопреки ожиданиям, Чжу Юньвэнь обнял Юньци за шею и приблизился к нему губами.

Весенняя прохлада студёна, словно воды ручья*. В цветах опавших утопает сад*.

* Стихотворение поэта династии Тан Ду Му «Циси» (□□). В нём рассказывается об одинокой наложнице, чей веер стал теперь бесполезен, поскольку летняя жара прошла, и которая смотрит в небо на созвездия Ткачихи и Пастуха. Упомянулось в главе 4.

* Отрывок из стихотворения «Луна бледнеет, звезд почти что нет...» (□□□, □□□) поэта династии Тан Вэнь Тинъюня. В нём описываются меланхоличные мысли героини, которая утром поднимается на балкон и смотрит вдаль, изображая её любовную тоску.

В чистом сиянии лунного света фигуры целующихся правителя и его слуги у входа во двор слились в единый тёмный силуэт.

Сознание Юньци опустело. Он и не подозревал, что Чжу Юньвэнь испытывает к нему столь глубокие чувства.

Холодные губы Чжу Юньвэня коснулись его лишь на мгновение и тут же отстранились. Поворачиваясь, он тихо прошептал:

— Наконец-то ты вернулся...

Юньци застыл на месте, провожая взглядом одинокую фигуру Юньвэня, пока та не скрылась за поворотом высокой стены.

Юньци кивнул и поднял рукав, чтобы вытереть губы. Его лицо пылало от смущения. Повернувшись, чтобы войти во двор, он обнаружил, что молодые стражники в легкой одежде и босиком стояли на земле. На его лицо устремилось множество взглядов.

Жун Цин глубоко вздохнул и серьёзно произнёс:

— Юнь-гэ-эр... ты вернулся...

Вмиг весь двор взорвался мужскими голосами. Все разом ринулись обнимать Юньци, с ухмылками приговаривая:

— Хе-хе! Хе-хе! Наконец-то ты вернулся!!

— Эй, что вы делаете! — взвизгнул Юньци, застигнутый врасплох толпой братьев, которые прижали его к стене. Жун Цин громко крикнул:

— Хэй-йо!

И тогда стражники принялись с неистовой силой толкать его.

Все эти дни они провели в страхе и тревоге и наконец испытали облегчение. Подавленные эмоции разом выплеснулись наружу. Цзиньвэй привыкли быть прихвостнями, поэтому умели считывать настроение и в поцелуе Чжу Юньвэня и Юньци ясно разглядели своё прекрасное будущее!

В тот миг все словно обезумели. Они прижали Юньци в угол и принялись без конца его толкать. Двор Цзиньвэй, на удивление, превратился в больницу для умалишенных.

— Ладно, ладно... — запальчиво отбивался Юньци.

— Я сказал, хватит! — рявкнул Юньци, оттолкнув Жун Цина так, что тот пошатнулся.

Юньци несколько мгновений тяжело дышал, затем сказал:

— Хватит шуметь! Мне и без того тяжело!

С этими словами он направился в свою комнату и с силой захлопнул дверь.

Стражники переглянулись, не понимая, отчего Юньци так разозлился.

Говорят, когда государство клонится к упадку, непременно появляются зловещие предзнаменования. И когда на утреннем дворцовом собрании Великой Мин все увидели Сюй Юньци, стоящего по одну сторону от императорского стола, почти все советники и гражданские чиновники подумали — то-то и оно.

По тёмным кругам под глазами у Юньци и Чжу Юньвэня все догадались, что прошлой ночью произошло нечто необычное.

Чжу Юньвэнь беспрестанно зевал, а Юньци оставалось лишь упорно сдерживаться.

Хуан Цзычэн, стоя перед залом, отчётливо возвестил:

— В ранее поданном прошении предлагалось упразднить стражу Цзиньвэй внутренних императорских покоев...

Юньци насмешливо произнес:

— Великий воспитатель Хуан, вы сошли с ума? Упразднить Цзиньвэй никак нельзя.

Это был первый раз за тридцать два года со дня основания Великой Мин, когда стражник Цзиньвэй осмелился подать голос на дворцовом заседании. В зале, наполненном

гражданскими и военными чинами, мгновенно поднялся переполох. Ци Тай вышел вперёд и, гневно ткнув пальцем, воскликнул:

— Ты ещё кто такой?! Разве слугам твоего статуса дозволено выступать при дворе Великой Мин с докладом!?

Юньци действовал с молчаливого одобрения Чжу Юньвэня и не испытывал ни капли страха. Более того, сегодня он пришёл подготовленным и уже заранее продумал ответ. Усмехнувшись, он произнёс:

— Кто я такой?

— Я сын Сюй Да! — гневно провозгласил Юньци. — Мой отец был верховным главнокомандующим и основателем империи, служил вместе с Ли Шаньчаном и Ху Вэйюном. В нашем доме хранится железная грамота, высочайше пожалованная самим Тайцзу! Я поступил на службу во дворец ещё при его жизни! Ныне, когда внук императора взошёл на престол, а наставник Цзян ушел в отставку по старости, я, как действующий командир, могу называться старшим сановником трёх дворов! В силу приоритета стажа и возраста даже внук императора должен называть меня «дядей»! Кто из сановников несогласен?!

В уголке губ Чжу Юньвэня промелькнула легкая улыбка, словно ему было весьма забавно это слышать.

Чжу Юньвэнь мягко произнес:

— Раз уж так, дядя Юнь, можете высказаться.

С этими словами он закатал рукав, чтобы взять кисть, а евнух рядом поспешно достал чернильный камень.

Юньци, с трудом сдерживая улыбку, продолжил:

— Сегодня Юньци преступил правила двора и готов понести за это ответственность. Но скажите, господа, неужели вы хотите, чтобы все будущие поколения клеймили вас преступниками?!

Фан Сяожу холодно возразил:

— Во дворце излишне сложная система, поэтому в Цзиньвэй изначально не было нужды. В годы правления Хунъю Тайцзу также рассматривал вопрос о её упразднении. Разве можно считать преступлением желание облегчить тяготы государя?

Юньци задал встречный вопрос:

— Но разве Тайцзу её упразднил?

Лицо Фан Сяожу стало холодным как лёд, и он не нашёлся что ответить.

Юньци громко провозгласил:

— Стража Цзиньвэй была учреждена предыдущей династией. Она занимает ведущее место среди двадцати двух гвардейских подразделений, что записано в «Наставлениях предков Великой Мин». Осмелюсь спросить канцлера Фана, какое наказание положено за несоблюдение устоев предков?

Теперь Фан Сяожу перепугался не на шутку. Он не ожидал, что Сюй Юньци знаком с записями, оставленными Чжу Юаньчжаном. Ещё при его правлении были подготовлены два свода заветаний: «Наставления предков Великой Мин» и «Ценные указания Тайцзу».

В наставлениях предков от начала до конца встречались такие формулировки, как «нельзя» и «должны», которые устанавливали для потомков чёткую систему законов и правил. В них неоднократно подчеркивалось, что, если чиновник осмелится оскорбить или изменить устои предков, его надлежит «предать казни тысячи надрезов вместе со всей его семьёй». Заветы можно было одновременно воспринимать и как чрезвычайно важные, так и как незначительные. Всё зависело от трактовки. Чжу Юаньчжан уже давно отправился в мир иной, и вопрос, следует ли соблюдать эти наставления предков, полностью лежал на правящем императоре.

Советники и гражданские чиновники превыше всего ценили установленные правила. Юньци привёл заветы предков, и Фан Сяожу прикусил язык. О Цзиньвэй изначально не говорилось подробно в сводах, а лишь мельком упоминалось в нескольких предложениях. Однако Юньци, ухватившись за эти малозначительные пункты, вёл себя всё более настойчиво и добавил:

— Разве канцлер Фан не читал «Наставления предков Великой Мин»?

Фан Сяожу наконец нашёл выход из ситуации и сказал:

— Правила устанавливаются людьми, значит, люди могут их и изменять. Нынешний император мудр и благоразумен...

Юньци громко расхохотался и с насмешкой произнёс:

— А от кого канцлер Фан получил право изменять правила?

Фан Сяожу хорошо проштудировал учёные труды, но не был силён в крюкотворстве. Как только Юньци начал уводить его от темы, все книжники при дворе растерялись. Пока они обдумывали его слова, Хуан Цзычэн уже про себя осознал, что ситуация складывается скверно, и нельзя поддаваться на уловки этого плута. Он гневно воскликнул:

— Если правила не соответствуют времени, их нужно менять! «Если возможности иссякли, то нужны перемены, если будут перемены, то можно достичь желаемого» — так говорили мудрецы, что в этом неправильного?!

Юньци невозмутимо произнёс:

— То есть выходит, что прошение об упразднении Цзиньвэй и изменении наставлений предков при нынешней династии не имеет под собой оснований.

Хуан Цзычэн холодно возразил:

— А у тебя самого есть какие-то основания?

Юньци ответил:

— Конечно, есть.

— В девятой главе «Наставлений предков Великой Мин», «Столичные чиновники», император Тайцзу собственноручно написал: «Цзиньвэй несут почетный караул шести дворцов, наказывают князей и казнят сановников, подчиняясь исключительно Сыну Неба. Если император не вынес наказание, им не подобает выходить за рамки правил приличия».

— Пятая глава, «Осторожность в государственных делах»! Учёные и простолюдины не должны своевольно обсуждать приближенных императора. Разве Цзиньвэй не приближенные императора?! Нельзя попирать устои предков! Разве Великий воспитатель Хуан и канцлер Фан не намереваются изменить их? Если найдутся те, кто посмеет изменить устои предков, их девять родов будет ждать казнь тысячи надразов!

Леденящий голос Юньци эхом разносился по залу Фэнтянь, отчего императорские советники покрылись холодным потом. Цзиньвэй всегда были заклятыми врагами всех придворных чинов. Советники и учёные мужи не боялись ни неба, ни земли. Ослушаться государя означало всего лишь лишиться жизни, а казнь только упрочила бы их репутацию. Однако если кто-то попадёт в руки Цзиньвэй, те обрушат свои батоги, забив до полусмерти и оставив душу висеть на между небом и землей, а это было куда страшнее обезглавливания.

Ногу Фан Сяожу сломали в ходе порки, и он до сих пор хромал. В тот миг ни гражданские, ни военные чиновники не смели взглянуть на Чжу Юньвэня. Все взоры устремились на бедра Фан Сяожу.

Юньци произнёс:

— Девять родов будет ждать казнь тысячи надрезов... Если господа упорствуют в желании изменить наставления предков, прошу быть готовыми. Сюй Юньци с охотой составит вам компанию. Сорок восемь стражников лишатся работы, только вот жизнью стариков и детей в ваших семьях куда больше сорока восьми.

В зале воцарилась тишина. Хуан Цзычэн содрогнулся и не посмел больше говорить. Однако Фан Сяожу отбросил костыль, спокойно встретился взглядом с Юньци и с достоинством заявил:

— Сяожу воспользуется своими столь же ничтожными, как у мошки, силами, дабы поколебать исполинское древо устоев предков, вырвать злокачественную опухоль и навести порядок при дворе. Даже если истребят мои десять родов, так что с того?!

«Какая отвага!» — в душе восхитился Юньци. Он не ожидал, что Фан Сяожу окажется настолько смелым. Хотя обсуждение зашло в тупик, Юньци не мог не восторгаться упорностью Фан Сяожу.

Чжу Юньвэнь, видя, что представление уже достаточно затянулось, принялся разряжать обстановку, мягко произнеся:

— Канцлер не виноват, в этом деле у чжэня уже есть свои соображения.

Чжу Юньвэнь опасался лишь постоянно кричающих, словно утки, советников, но Фан Сяожу его не особенно пугал. Оказав ему при всех милость, он сказал:

— И канцлер Фан, и командир Сюй стремятся облегчить бремя государства, здесь нельзя говорить о том, кто прав, а кто виноват. Обсудим этот вопрос в другой раз.

Только тогда советники дружно вздохнули с облегчением. Жизни членов семьи Фан Сяожу не стоили ничего, но вот жизни их собственных жен и детей были драгоценны. Совершить самоубийство — не проблема, но тащить за собой девять родов уже неоправданно. Они с таким трудом дождались мудрого и просвещённого государя на троне, что, если в такой ситуации казнят весь их клан, это будет уж слишком нелепо.

Фан Сяожу оказался бессилён. Он тяжело вздохнул и перестал настаивать.

Чжу Юньвэнь ещё несколько раз мягко успокоил присутствующих, взял доклад и спросил:

— Ци Тай, несколько дней назад из столицы отправили донесение о конфискации уделов. Есть ли уже ответ?

Сердце Юньци дрогнуло. Вчера он совсем позабыл о деле с конфискацией уделов и тут же сосредоточенно прислушался. Посланник уже добрался до Пекина? Как же на это отреагирует Чжу Ди?

Ци Тай вышел вперёд и доложил:

— Ваше Величество, Чжоу-ван уже сдал военную власть и переселился в Юньнань; Сян-ван, получив указ... заперся в своей резиденции и сжёг себя заживо...

Юньци и Чжу Юньвэнь одновременно пришли в изумление. Юньци перевёл взгляд на Чжу Юньвэня и увидел, что тот сжал губы. Его глаза слегка покраснели, но он не произнёс ни слова.

Он спланировал это заранее? Что было написано в императорском указе?

По спине Юньци пробежал холодок. Когда Чжу Юньвэнь составил этот план? Разве это конфискация уделов? Это же чистейшее приказание умереть!

А что с Чжу Ди? Юньци едва сдержал порыв схватить Ци Тая за воротник и потребовать ответа. Но Чжу Юньвэнь спросил:

— А что... с четвёртым дядей? Я лишь хотел, чтобы он передал военную власть Чжан-лао и остался в Пекине...

Скрытый смысл слов Чжу Юньвэня был очевиден, и вторая часть фразы, несомненно, была объяснением для Юньци.

Ци Тай ответил:

— Если по пути не будет задержек, ответ должен прийти сегодня.

Юньци пребывал в растерянности. Ещё не успев всё обдумать, он вдруг услышал, как из-за Полуденных ворот один за другим поступили донесения.

— Письмо из Пекина!

Чжу Юньвэнь поспешно скомандовал:

— Срочно доложить!

— Янь-ван самовольно задержал императорского посла и заключил под стражу комиссара по

гражданским и финансовым делам Пекина, господина Чжан Бина! Судьба посланника неизвестна, мы бежали ночью в панике, чтобы доложить об этом!

Весь зал, наполненный высокопоставленными сановниками, мгновенно разразился возмущениями!

Рука Чжу Юньвэня, державшая кисть, слегка дрожала. Он не мог в это поверить:

— Как же... как так вышло? Чжэнь же его не обвинял, чжэнь просто...

Юньци положил руку на плечо Чжу Юньвэня, и тот успокоился, спросив:

— Янь-ван передал чжэню какое-нибудь послание?

В этот момент сердце Юньци подпрыгнуло ещё сильнее, чем у Чжу Юньвэня. Но прежде чем гонец успел ответить, к Полуденным воротам в панике подскакал другой всадник и доложил:

— Срочное донесение!

— Сыновья Янь-вана Чжу Ди, Чжу Гаочи и Чжу Гаосюй, прибыли в столицу и ожидают у ворот Фэнтянь разрешения на аудиенцию!

Неужели Чжу Ди пошёл на такой шаг и прислал в столицу двух своих сыновей в качестве заложников?!

Все были в полном недоумении.

После утреннего приёма весь двор заполнили советники, проклинаящие всю семью Сюй Юньци, желая им мучительной смерти.

Чжу Юньвэнь, что удивительно, решил принять детей Янь-вана в императорском кабинете, в присутствии Хуан Цзычэна и Фан Сяожу. На каком это основании он позвал Чжу Гаочи и Чжу Гаосюя в зал на личный прием без участия министров?! Что они пытаются скрыть? На каком основании они собрались в тайне ото всех? Почему они обсуждают что-то за закрытыми дверями и не позволяют слушать другим!

Почему, почему, почему?

Чжу Юньвэнь был в прекрасном настроении, поэтому с гордым видом подумал: «Вам-то какое дело?»

Юньци оказали невероятную честь, и теперь отвергнуть чувства Чжу Юньвэня стало ещё сложнее.

Юньци по-прежнему ждал, стоя рядом. Юньвэнь устроился за письменным столом и мягко произнёс:

— Приведите тех двух братьев.

Юньвэнь приходился им старшим двоюродным братом со стороны отца, и хотя они давно не виделись, в душе он всё же испытывал к ним родственные чувства.

Чжу Гаочи с детства страдал от больных ног. Он, прихрамывая, вошёл вместе с младшим братом.

Беспокойство Чжу Гаосюя было написано на его лице. Видимо, он впервые так надолго уехал от родителей и остался на попечении старшего брата. Увидев Юньци, он обрадовался и воскликнул:

— Дядюшка!

Юньци поспешно поднёс палец к губам, улыбнулся и кивнул, давая понять, что нельзя нарушать этикет.

— Ничего страшного, — успокоил их Чжу Юньвэнь. — Вы, наверное, устали в пути.

Только тогда Чжу Гаочи, держа младшего брата, совершил поклон, провозгласив:

— Да здравствует император!

Чжу Юньвэнь жестом разрешил им подняться и предложил сесть. Чжу Гаочи снова поприветствовал его, назвав «старшим братом-императором», усадил младшего, а сам остался стоять.

Хуан Цзычэн, сидя в стороне, холодно посмотрел на Чжу Гаочи и насмешливо сказал:

— Хватит лицемерить. Твой отец задержал императорского посла и незаконно арестовал комиссара по гражданским и финансовым делам Пекина...

— Замолчи! — взревел Чжу Юньвэнь.

Хуан Цзычэн внутренне содрогнулся. Он не ожидал, что Чжу Юньвэнь настолько придет в

ярость.

Чжу Юньвэнь изначально планировал первым делом обсудить семейные дела, но теперь этот неблагодарный Хуан Цзычэн преждевременно подвёл разговор к основной теме, испортив весь настрой. Пришлось оставить эту затею и спросить:

— Зачем четвёртый дядя отправил вас двоих в столицу? Он передал от себя письмо?

Чжу Гаочи улыбнулся и произнес:

— Отвечаю старшему брату-императору, отец сказал, что его почерк неприглядный, и поручил нам, братьям, передать вам пару слов.

Чжу Гаочи со своим слабым тельцем стоял в кабинете, и на это было так больно смотреть, что Юньци, не выдержал и сказал:

— Сначала сядь. Говори сидя.

Чжу Гаочи на мгновение задумался, кивнул, но не сел. Когда Чжу Юньвэнь спросил: «Какие пару слов?» — Чжу Гаочи, уже уверенный в себе, ответил:

— Юньвэнь, четвёртый дядя охраняет для тебя Пекин. Чего ты так встревожен? Боишься, что четвёртый дядя поднимет восстание? Честно говоря, если ты конфискуешь уделы четвёртого и семнадцатого дяди, Северная Юань определенно вернется, вздымая пыль, а во всём нашем императорском дворе — одни книжные черви, так что на передовой им останется только сложить головы.

— Ты правда хочешь конфисковать уделы? Хорошо. Отдаю тебе двух своих сыновей. Мне больше нечего сказать по этому вопросу. Если заподозришь четвёртого дядю в мятеже, то убей моих сыновей, и посмотри, поднимет ли четвёртый дядя восстание...

Юньци мгновенно покрылся холодным потом.

Чжу Гаочи передал эти слова с настолько поразительным сходством, что выглядел в точности как Чжу Ди.

Чжу Юньвэнь изменился в лице. На ладонях Чжу Гаочи проступила испарина, но он, собравшись с духом, продолжил:

— Знаю, что ты... не осмелишься так поступить, но и четвёртый дядя тоже. Сделай шаг назад, не конфискуй уделы. Четвёртый дядя будет охранять для тебя эти горы и реки. Без него Великая стена не устоит.

— Юньвэнь, в первый же год восшествия на престол ты хочешь уподобиться своему деду, моему старику?!

В императорском кабинете стояла такая тишина, что можно было услышать, как падает иголка. Все затаили дыхание. Закончив говорить, Чжу Гаочи поднял рукав, чтобы вытереть пот со лба, и только тогда сел.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326085>